

Проблема возможного у Аристотеля и М.Хайдеггера

Научный руководитель – Бугай Дмитрий Владимирович

Булавина Беата Вячеславовна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории зарубежной философии, Москва, Россия

E-mail: beatabulavina@mail.ru

Аристотель и Хайдеггер – две разные траектории двух разных эпох. Их концептуальные поля предстают настолько разными, что кажется бессмысленным разбираться, лежит ли в глубине их мысли единый исток, из которого совершается вопрошание. Но если и можно широким концептуальным мазком задеть обоих выведенных в заглавие авторов, то именно внимание к изменяющемуся, не стоящему на одном месте сущему, к богатому смыслами многообразию перекидывает мост между разделяющими их тысячелетиями. Но чтобы были движение, непостоянство, шаг, мы должны столкнуться с некоторой принципиальной незавершенностью. С тем, что окружающее нас (и мы вместе с ним) таит в себе нечто, что ее действительным «здесь и сейчас» не исчерпывается. Тогда мы имеем дело с областью возможного. Что-то, что не представлено, но как-то есть, существует, но не в полном смысле, что нам известно, но все же не совсем и не сполна. Эти удивительные пограничность и неисчерпаемость потенциального стали предметом моего рассмотрения. Я бы хотела сопоставить *δύναμις*, его задачи и подчиненное положение, выделяемое ему «Метафизикой» (преимущественно в девятой книге), с пониманием Хайдеггера присутствия, которое экзистенцирует в возможности быть или не быть самим собой.

Основная дефиниция возможности, или способности (*δύναμις* вбирает в себя оба значения), у Аристотеля формулируется так: начало изменения вещи, находящееся в ином или в ней самой, поскольку она иное [1, с.162]. Одно из ключевых для Аристотеля доказательных моментов текста, есть тезис, что действительность, или деятельность, первее возможности, или способности. Всегда есть нечто первое, что приводит в движение и существует в действительности. Оно есть с необходимостью, ведь без него не было бы всего последующего, если бы самое первое начало было не лишено возможности, оно могло бы не существовать, что абсурдно [1, с.247]. Возможность, хотя и выступает в качестве силы поддерживающей любое движение, в своей сущности вторично по отношению к актуальной, неизменной действительности, какова сполна раскрывается через божественный Нус.

Мысль Хайдеггера разворачивается в другой плоскости. Онтологическое вопрошание Хайдеггера устремлено к присутствию – бытию, для которого речь идет о собственном осмыслении. Сущность этого бытия – не некое «что» предметного поля, а экзистенция, чье существо лежит том, что оно всегда имеет быть своим бытием как своим [3, с.12]. Присутствие понимает себя всегда из своей экзистенции, возможности его самого быть самим собой или не самим собой. Эти возможности присутствие или выбрало само или оно в них попало или в них как-то уже выросло. Наиболее своя возможность – само бытие, будучи им *Dasein* способен «выбрать» себя, найти, искать или потерять. Несобственные возможности оттеняют присутствие в его бытии, отдаляют, отчуждают его от исконно своей озабоченности, например, человеко-самость – позиция *Dasein* в обезличенной, усредненной людской самопонятности – в качестве возможности неустранима. Присутствие определяется как сущее из возможности. В присутствии, пока оно есть, всегда недостает еще чего-то, чем оно способно быть и будет. *Dasein* – незавершенность, открытая своему концу. Последняя потенциальность, доступная *Dasein* – смерть. Со смертью присутствие стоит перед

собой в самой своей способности быть, предстоит себе как эта возможность самого себя. Смерть - наиболее своя (ничьей другой она напрямую быть не может), безотносительная, предельная, не-обходимая (без шанса избежать, увернуться) возможность невозможности (небытия) присутствия. Подлинное бытие-к-смерти есть заступление в возможность [4, с.74]. Своим заступанием оно лишает нас опоры, обесмысливает любые ожидания, делает возможной саму возможность, удерживая ее от становления иным.

Основной разрыв между Аристотелем и Хайдеггером смысловой. Дюнамис в картине первой философии играет вспомогательную роль: обеспечивая подвижность сущего, он должен стремиться к своей актуализации. Движение – движение к цели, т.е. к началу, ибо начало вещи – то, ради чего она есть [1, с.246]. Действительность же и есть цель, и ради нее приобретает способность. Любая деятельность нацелена на осуществленность (энтелехию). Цель движения – законченная вещь. Дюнамис Хайдеггера лежит в самой основе фактической жизни [5, с.53]: его характер - не налагаемые сверху, сковывающие категории, а изначальная структура, раскрывающая сама себя. Исследуя начала и причины, Аристотель ставит себе целью заполучить заданную наперед сущностную область [2, с.157]. Таким овеществляющим путем упускается экзистенция – то, что не есть, но времени, и делает это конечно. Присутствие выбирает себя и становится самым собой – в этом его движение и изменение. Оно не свершилось, но свершается, и в ней возможность удерживается как таковая. Действительность – царство уже сделанного, окостеневших ценностей и готовых истин. Возможность Хайдеггера направляет вперед, дарует Dasein будущность. Действительность Аристотеля позволяет подступиться к подлинному бытию, вечному и неизменному, к началу, из которого берет свою энергию движение.

Источники и литература

- 1) Аристотель, *Метафизика*, Сочинения в четырех томах. Т. 1. Ред. В. Ф. Асмус. М., «Мысль», 1976, с.234-252
- 2) Хайдеггер М. «Феноменологические интерпретации Аристотеля (экспозиция герменевтической ситуации)» ИЦ «Гуманитарная академия» СПб, 2012, 226 с.
- 3) Хайдеггер М. *Бытие и время*, Академический проект Москва, 2011, 447 с.
- 4) Фалев Е.В., *Герменевтика Хайдеггера* - СПб, Алетейя, 2008, 224 с.
- 5) Bernet Rudolf "Heidegger on Aristotle: dunamis as Force and Drive"/edited by H.Zaborowski/ Heidegger's question of being: Dasein, Truth and History, The Catholic University of America Press, Washington D.C. 2017, p.49-71